

Сергей Шаповалов

РЕКВИЕМ
ПО МЕЧТЕ

18+

18+

Сергей Шаповалов

Реквием по мечте

<https://litres.ru/74230558>

SelfPub; 2026

Аннотация

Повесть исследует трагедию маленького человека, раздавленного равнодушным механизмом большого мира. Это история о том, как предательство близких, крушение иллюзий и физическая немощь превращают светлого мечтателя в живой труп, а также о тихом подвиге тех, кто вынужден нести чужой крест сквозь ледяную пустоту собственной жизни.

Содержание

Реквием по мечте	4
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Реквием по мечте

Реквием по мечте

Пальцы. Часть первая

Глава 1. Ночь, похожая на клей

Ночь на посту — это не просто время суток, это особое состояние материи, густое и вязкое, как застывающий столлярный клей, в который по неосторожности уронили целый мир. Она обволакивает тебя со всех сторон, проникает под

бушлат, в ботинки с прохудившимися подошвами и, кажется, даже в самую душу, вымораживая из неё всё лишнее: надежды на повышение, планы на отпуск в Геленджике и суетные мысли о завтрашнем дне. Остается только глухая, чугунная тяжесть в ногах, которая тянет к промерзшему бетону пола, и монотонный, заунывный гул ветра за тонкой железной стеной будки. Этот звук был похож на бесконечный стон больного, которому уже не помогают лекарства, — он просто существует, напоминая о бренности бытия и о том, что ты — лишь крошечная точка в этой холодной пустоте.

В этой будке, пахнувшей прелым картоном от старых коробок, сваленных в углу, вековой пылью, осевшей на стекле единственного окна, и остывшим чаем с металлическим привкусом дешевой заварки, сидели двое. Пространство было тесным, рассчитанным на одного человека, и их плечи почти соприкасались. Один, постарше, с лицом, похожим на печеное яблоко или сморщенный пергамент, которого жизнь так долго катала по своим ухабам, что оно потеряло всякую форму и цвет, превратившись в карту прожитых лет, — звали его Игнат Савельич. Он сидел абсолютно неподвижно, словно был не живым человеком из плоти и крови, а частью самой этой будки, её несущей балкой или старым, проржавевшим насквозь гвоздем. Его поза выражала абсолютное смирение перед неизбежным. Он не боролся с холодом; он просто позволял ему быть, став с ним единым целым. Его бушлат был расстегнут, открывая взгляду выцветшую тель-

няшку в темную полоску.

Второй, помоложе, лет тридцати пяти на вид (хотя выглядел он старше своих лет из-за серой усталости в глазах и глубоких заломов у рта), с беспокойными руками и бегающим взглядом исподлобья — был новенький. Звали его Сергей. В отличие от Игната, Сергей страдал от тишины. Для него она была не вакуумом и не покоем, а скорее плотным ватным одеялом, которое давило на уши и заставляло сердце биться чаще обычного ритма. Он ерзал на скрипучем табурете так нервно, что казалось, вот-вот протрет в нем дыру или сломаёт одну из его хлипких ножек. Ему было физически необходимо нарушить это безмолвие звуком собственного голоса, услышать эхо в пустом пространстве и убедиться в собственном существовании. — Холодно сегодня... — наконец выдавил он из себя фразу, которая не несла никакой смысловой нагрузки, кроме отчаянного желания заполнить акустический вакуум. Голос его прозвучал хрипло и неуверенно, сорвавшись на последнем слог. — Ветер-то как воет. Прямо душу наизнанку выворачивает.

Игнат Савельич отреагировал не сразу. Он медленно повернул голову. Движение это было таким же медленным и основательным, как движение ледника где-нибудь в Антарктиде или как распускание цветка в замедленной съемке. Он посмотрел на Сергея без всякого выражения на лице — ни осуждения за нарушение тишины, ни интереса к его персоне. Взгляд его был пустым и тяжелым, словно он оценивал

не человека, а предмет мебели: стоит ли этот табурет того, чтобы на нем сидеть дальше.

— Душу... — хмыкнул он после долгой паузы, во время которой Сергей успел трижды пожалеть о сказанном и даже мысленно проклясть свою болтливость. В тишине было слышно лишь гудение ветра и тихое потрескивание остывающей спирали обогревателя.

— Душа у тебя ещё не вымерзла. Это хорошо. Плохо только, что ты ей тут размахиваешь попусту. Ветер — он и есть ветер. Ему твоя душа до лампочки. Сергей смутился так сильно, что почувствовал жар на щеках — мгновенную вспышку стыда, которая тут же была смыт ледяным холодом из щелей будки. Он хотел было обидеться на эту грубость, но в голосе Игната Савельича не было ни злобы, ни желания уколоть или поставить на место новичка. В нем звучала лишь вековая усталость человека, который видел слишком много таких же ночей — бесконечных смен под вой метели — и слишком мало смысла в разговорах о погоде.

— Я к тому... — промямлил Сергей, теребя пуговицу на бушлате так яростно, что нитки затрещали под его пальцами. Он смотрел куда-то в пол, боясь поднять глаза. — Что ночь длинная. Скучно.

— Скучно тому, у кого мыслей нет. А у кого они есть — тому страшно. Снова повисла тишина. Но теперь она была другой плотности. В ней появился оттенок ожидания, напряжения натянутой струны. Сергей понял, что зацепил напар-

ника за живое своим неуклюжим замечанием о скуке. Он решил рискнуть и задать вопрос в лоб, надеясь перевести монолог ветра в диалог людей:

— А вы давно в охране? — спросил он чуть смелее. Игнат Савельич пожевал губами, словно пробуя слова на вкус или пережевывая старую обиду.

— С тех пор, как Родина сказала «спасибо» за службу и дала пинка под зад сапогом сорок пятого размера. Как все. Это был ответ-шифр. Сухой, емкий и понятный любому мужчине определенного возраста и судьбы с военным билетом в кармане. Это была история целого поколения «пиджаков» и «сапог», списанных в тираж за выслугу лет или по ранению души, которое не видно на рентгене. Сергей понял: перед ним свой.

— А я вот с флота пришел. Тихоокеанский флот. Игнат Савельич впервые за час моргнул. Это было событие сейсмического масштаба: его тяжелые веки опустились и поднялись с сухим треском старой бумаги. В его глазах что-то тускло блеснуло — возможно, отражение далекого маяка из прошлой жизни или просто отблеск лампы накаливания под потолком.

— Тихоокеанский? — переспросил он с недоверием и вдруг ожил. Это было похоже на то, как если бы старая керосиновая лампа вдруг решила вспыхнуть ярче перед тем, как погаснуть навсегда от нехватки керосина в резервуаре жизни. Он распрямил спину (насколько позволял возраст и рев-

матизм), и табурет под ним жалобно скрипнул протестующе против такой резкой перемены инерции покоя.

— А где базировались-то? На Русском острове?

— На Русском! — радостно воскликнул Сергей. В этом коротком слове «Русском» для него было всё: запах соли и мазута от пирсов бухты Новик; ледяной ветер с моря (тот самый «ветер», который сейчас выл снаружи их жестяной коробки); казармы с облупившейся краской; чувство братства и запах дешевого табака «Прима» в курилке после отбоя; вкус соленой морской воды во рту после купания вопреки запретам старшины; вид сопки над бухтой Золотой Рог на рассвете. Обнаружить земляка здесь, в этой промерзшей жестяной коробке посреди чужого города-миллионника — это было почти чудо.

— А вы откуда знаете?

— Я там срочную тянул. Давно это было... В другой жизни. Они смотрели друг на друга уже не как случайные напарники по несчастью или временные попутчики в холодном трамвае жизни под названием «охрана», а как два осколка одной разбитой тарелки с клеймом ТОФ (Тихоокеанского флота), которые вдруг нашли друг друга в куче мусора на свалке истории.

— Слушай... А ты часом не знал Аркадия? Аркашу? Такой высокий был парень тогда... нескладный немного... Носил очки вечно сползающие на кончик носа... Мы с ним из одного призыва были... У Сергея отвисла челюсть так низ-

ко от удивления, что если бы Игнат бросил туда монету достоинством в пять рублей (которые все еще водились у него по старой привычке), она бы звякнула о бетонный пол с задержкой в пару секунд.

— Аркашу? Так это ж мой сосед по общежитию был! Мы с ним в медицинститут поступали! Вы его знали? Игнат Савельич медленно снял шапку-ушанку из искусственного меха с вытертым ворсом и положил её на стол рядом с пустой кружкой из толстого мутного стекла с темным ободком заварки на стенках и отбитым краем (Сергей заметил этот скол ещё утром). Под шапкой обнаружилась седина цвета «перец с солью», похожая на первый осенний иней или соль на обледенелом тротуаре Владивостока.

— Знал? Да мы с ним в одном взводе были! Он мне однажды всю ночь про свою любовь рассказывал... Про Риту из медицинститута. Как он ей стихи читал под окнами общежития... Я тогда думал — сдурел парень совсем от любви. Ночь за окном вдруг перестала быть враждебной стихией или вязким клеем. Она превратилась в молчаливого свидетеля маленького чуда: здесь и сейчас встретились два человека из прошлого их общего друга Аркадия.

— Нифигасе... — прошептал Сергей так тихо, что сам едва услышал свой голос за воем ветра за окном будки номер 7-бис склада номер 42 промзоны «Северная». — А я ведь ничего о нем не знаю с тех пор... как мы дипломы получили! Как он? Жив-здоров? Игнат Савельич долго молчал, гля-

для куда-то сквозь стену будки с таким видом, словно там, за слоем жести и бетона (а может быть, сквозь толщу времени), он видел не темный складской двор с горой пустых деревянных паллетов под снегом и грязью, а залитый солнцем Владивосток их далекой молодости: сопки над бухтой Золотой Рог; корабли у причалов; чаек над волнами; пыльную дорогу к учебному центру на Русском острове.

— Жил... — наконец произнес он глухо. Голос его стал ниже еще на октаву, превратившись в басовитый рокот далекого грома перед бурей. Он взял кружку со стола своими узловатыми пальцами с желтыми от никотина ногтями и повертел её в руках.

— Жил он... Только вот жизнь его — как тот сугроб у сопки: сверху вроде белый да пушистый от свежевывавшего снега (для чужих глаз), а внутри — лед да камень черный. В будке повисла такая тишина (теперь уже тишина напряженного внимания), что стало слышно даже то, как где-то далеко-далеко капает талая вода с крыши склада по водосточной трубе — монотонно и безнадежно: кап-кап-кап... Этот звук отсчитывал секунды их разговора так же неумолимо, как метроном отсчитывает ритм похоронного марша.

Савельич долго сидел молча, глядя в пустую кружку из толстого мутного стекла с отбитым краем (Сергей заметил этот скол ещё утром), словно пытаясь разглядеть на её дне мутные разводы чая (где плавала одинокая чайинка), похожие на карту чужой, жестокой жизни.

Сергей не торопил его. Он вдруг понял со всей ясностью новичка-перестарка (каковым себя ощущал), что этот рассказ — не просто пересказ сплетен или случайных новостей от общих знакомых через третьи руки. Это тяжкий груз воспоминаний и вины (или того чувства ответственности за другого человека перед лицом вечности), который тот носил в себе все эти годы молча, не имея возможности ни с кем поделиться этой ношей из-за гордости или страха показаться слабым. Ночь за стенами будки стала еще чернее (если это вообще было возможно), плотнее стиснула жестяные стены своей холодной рукой-скелетом морозного воздуха со стороны моря-океана, но внутри этого тесного пространства стало теплее от человеческого тепла общей памяти. И только тусклая лампочка под потолком выхватывала из мрака две фигуры: одну неподвижную как изваяние Будды (или скорее каменного идола древних племен), другую — напряженно подавшуюся вперед всем телом; и парок (или дымок воспоминаний?), поднимающийся невидимой струйкой от кружек с остывшим чаем к потолку будки номер 7-бис склада номер 42 промзоны «Северная».

Глава 2. История одного человека

Слово «жил» повисло в воздухе, тяжелое и холодное, как свинцовая гиря, которую Игнат Савельич, казалось, только что с трудом вытащил из глубокого кармана своей души и положил на стол между ними. Сергей смотрел на старого

охранника и видел, как тот меняется. Неподвижность, делавшая его похожим на часть будки, исчезла. Теперь это был просто очень уставший старик, на плечи которого свалилась непосильная ноша воспоминаний.

— Жил... — повторил Игнат Савельич, словно пробуя слово на вкус и находя его горьким.

— Жил, да не так, как мы с тобой думаем. Ты вот, Сережа, помнишь его? Как он шел? Будто землю боялся потревожить. Тихий был парень, но светлый какой-то... Мечтатель. В мед поступил — мы все гордились им. А потом появилась она... Рита. Он замолчал, глядя в мутное стекло окна будки. За ним была лишь чернильная пустота склада и вой ветра, но старик смотрел сквозь эту преграду так, будто там, в темноте, разворачивалась панорама далекого Владивостока. — Она была из другой породы людей, — продолжил он глухо.

— Из тех, у кого всегда есть план «Б» и родственники в правильном месте. Еврейская семья... Но красивая была — глаз не оторвать. Аркаша-то наш голову совсем потерял. Ходил за ней как привязанный. Она его поманила пальчиком — он и пошел. Они расписались там же, во Владике. А потом она его уговорила ехать в Одессу. К родне её какой-то богатой.

Сергей слушал затаив дыхание. Он вдруг поймал себя на мысли, что эта тесная, пропахшая картоном будка исчезла. Он сидел не на скрипучем табурете, а словно парил над картой чужой жизни, следя за маршрутом человека по имени

Аркадий. — И что? — тихо спросил Сергей, боясь спугнуть этот призрачный мир.

— И поехал наш Аркаша... Как телок на веревочке уехал из дома своего теплого в чужие края жаркие. Там он участковым врачом стал. Ходил по квартирам... По тем местам тогда так было заведено: вызов к больному — это святое дело было для врача советского. Придет Аркаша в хату: дух тяжелый, старуха при смерти лежит, а ему — трешку, а то и пятерку в халата суют тайком от детей-внуков. Не взятка это была тогда была, а благодарность от души народной за то, что человек в белом халате к тебе сошел с небес своих ученых... Голос Игната Савельича стал тише, мечтательнее. В нем прорезались нотки ностальгии по тому времени, когда мир был проще и понятнее, когда рубль был рублем, а врач — почти святым. — Жили они там хорошо поначалу. Квартира своя появилась, машина... Только вот Аркаша наш всё тосковал. По морю нашему скучал, по родным сопкам и туманам. Но молчал. Жена у него была командирша та ещё...

— А потом... Потом всё рухнуло. Началась эта гребаная перестройка... А следом девяностые пришли — как саранча всё сожрали. Народ обнищал в одночасье так, что трешку в карман врачу положить стало нечем да и совестно брать до ужаса. Зарплаты врачам платить перестали вовсе... Игнат Савельич замолчал и посмотрел Сергею прямо в глаза тяжелым взглядом человека, который видел слишком много смертей и разрушений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.